

Новиков И.А. Южноуральский тыл в годы Первой мировой войны: проблемы преподавания // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, почетного профессора МПГУ и РГУ им. С.А. Есенина, заслуженного деятеля науки РФ Э.М. Щагина / под общ. ред. А.Б. Ананченко. – М.: МПГУ, 2018. – 336 с. – С. 83–92. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=37068424>

И.А. Новиков
Челябинск

Южноуральский тыл в годы Первой мировой войны: проблемы преподавания

Сто лет назад началась Первая мировая война: «Германская», «Империалистическая», «Вторая Отечественная». Спустя столетие после начала кровавых и трагических событий МЫ вспоминаем о войне, перевернувшей весь миропорядок, изменившей народное сознание и миропонимание добра и зла, преступления и ответственности. События столетней давности на примерах региональной и локальной истории малоизученны, «неизвестны», в том числе и материале Южного Урала (Челябинской области). В школьных учебниках истории наблюдается традиционный подход изложения основных вех и сюжетов Первой мировой войны. Южный Урал и Челябинск находились за тысячи километров от линии фронта, но как тыловой регион он также оказался вовлечен в пучину событий военных действий: солдаты и казаки, призванные на фронт, добровольцы, раненые, беженцы, военнопленные, выпуск военной продукции на заводах.

Тема южноуральского тыла в годы Первой мировой войны как для советской, так и российской историографии, практически не исследована, несмотря на ряд появившихся в последние годы публикаций по данной проблематике: горнозаводской промышленности Южного Урала: А.В. Жука [1] и Ю.П. Окунцова [2]; использовании труда военнопленных на горных заводах: И.А. Новикова [3] и Н.В. Суржиковой [4]. Отдельно необходимо выделить работы И.Н. Рязанского из Челябинска [5] и Н.Н. Шмаковой (Машковой) из Оренбурга [6]. Их можно назвать «первооткрывателями» многих вопросов рассмотрения событий

1914-1918 гг. на Южном Урале. Вместе с тем, до сих пор информация о тыловых аспектах событий Первой Мировой в южноуральском регионе носят фрагментарный характер и чаще всего без конкретного соотнесения с региональной (локальной) историей региона. В фондах южноуральских архивов: Челябинска (Объединенный государственный архив Челябинской области) и Златоуста (Архив Златоустовского городского округа) содержится достаточно много самой разнообразной информации по отражению роли южноуральского тыла в событиях Первой мировой, которые, к сожалению, лишь частично введены в научный оборот.

В современных условиях для достижения основной цели исторического образования необходимо не только обновлять содержание материала по изучаемой теме в соответствии с новыми достижениями исторической науки, но и актуализировать материал с обязательным включением элементов региональной и локальной истории, что происходит не так часто, как того требует нормативная база и повседневность. Мы попытаемся на примере некоторых аспектов южноуральского тыла в годы Первой мировой войны показать использование этого материала как дополнительного на уроках истории в 9 классе [7].

Основой южноуральского тыла была горнозаводская промышленность, которая еще с начала XIX века, в преддверии войны с Наполеоном перешла на выпуск военной продукции. С началом боевых действий в промышленности, имевшей заказы на выпуск военной продукции, начал осуществляться переход на режим военного времени. На Южном Урале казенный Златоустовский горный округ, осуществлявший выполнение заказов для армии и флота, еще с Отечественной войны 1812 года, и поэтому в совершенстве освоивший производство снарядов, в т.ч. и трехдюймовой шрапнели, смог обеспечить чертежами, образцами и технологией другие заводы Урала, получившие заказ на ее выпуск. Война, принявшая невиданные масштабы, требовала не только все большего количества оружия и снарядов, но и увеличение числа рабочих рук для ее производства [8]. За годы Первой Мировой войны только предприятиями Златоустовского горного округа было изготовлено более четырех миллионов снаря-

дов разного калибра, более 600 тысяч шашек, кинжалов и кавалерийских пик [9].

Все сословия Южного Урала принимали посильное участие в тыловой жизни в условиях продолжавшейся войны. Для поднятия боевого духа рабочих Златоустовского завода в городе 26 ноября 1916 г. состоялось первое чествование Георгиевских кавалеров: «после литургии и молебна предположено пригласить их всех в помещение «Лиры» и «Зари», где предложить им угощение на средства частью от городского самоуправления и частью от добровольных пожертвований» [10]. На чествование было приглашено 43 Георгиевских кавалера, работавших на Златоустовском заводе: «нижних чинов – 41, вольноопределившихся 1-го разряда – 1 и зауряд-прапорщик – 1» [11]. Среди южноуральского духовенства также были участники Первой мировой войны. Духовенство и горожане Златоуста состояли в попечительских обществах: Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, в Златоустовском попечительстве по призрению семей нижних воинских чинов, в попечительском обществе при Симеоновской церкви по оказанию помощи семьям воинов и раненым [12].

Война изменила социально-экономическое положение тылового региона. Одной из причин этого стала мобилизация в армию трудоспособного населения. На некоторых предприятия число призванных доходило до 20%, в том числе и с Ермоловской домны Златоустовского горного округа, возведенной в начале XX века. Большая часть призывников, мобилизованных с заводов, принадлежала к категории наиболее опытных и квалифицированных рабочих [13]. Это стало одной из причин падения выплавки чугуна. К 1917 г., по сравнению с 1913 г., она упала на 18% – с 55,8 до 46,0 млн. пудов [14].

Для выхода из создавшегося положения на заводах стали использовать труд военнопленных, беженцев и китайцев. Основную массу военнопленных составили представители большинства народов Тройственного союза. Почти с самого начала военнопленных решили размещать и распределять на работы по этническому принципу: «полное отделение военнопленных славян от венгров и

австро-германских немцев». Связано это было с тем, что, по мнению правительства, славяне «претерпевают всякие обиды и притеснения со стороны мадьяр и немцев» [15]. В конечном итоге, это так и не удалось сделать. Чаще всего очень трудно было установить национальность военнопленных, т.к. в большинстве случаев в их учетных карточках указывалась только государственная принадлежность «германец» или «австрияк», но иногда карандашом дописывалось «русин», «галичанин» и т.д., но ни разу нам не встретилось «украинец» [16].

В годы Первой мировой войны западнорусские (малороссийские и белорусские) и польские губернии оказались в эпицентре военных действий, но из-за отсутствия собственной государственности население оказалось по разные стороны линии фронта: сражаясь как в составе русской (3,5 млн. чел.), так и австро-венгерской (250 тыс. чел.) армий. В результате военных действий на территории современной Западной Украины и поражений австро-венгерской армии в 1914-1916 гг., галичане и русины, воевавшие в ее составе, в т.ч. и в легионе Украинских сечевых стрельцов, были взяты в плен [17] и оказались в том числе и на Южном Урале.

Разного рода послабления были установлены для военнопленных славян – создание более комфортного проживания в лагерях для военнопленных, в том числе и с климатической точки зрения, разрешение работать вне лагерей, если, конечно, уместно говорить о комфорте в «лагере» [18]. Большую часть военнопленных славян предполагалось разместить на Южном Урале, а немцев, венгров и австрийцев – отправить на Средний и Северный Урал. Поэтому последние присутствуют и на Южном Урале, но при выполнении трудоемких работ: на Бакальском руднике, Челябинских угольных копях, на строительстве плотины пруда Златоустовского завода.

Для военнопленных был установлен двенадцати часовой рабочий день, включая два часа на обед [19], при шести дневной рабочей неделе с обязательным выходным в воскресенье [20]. Заработную плату они получали одинаковую с местными рабочими, занятыми на идентичной работе. Однако в счет заработка военнопленным выдавали продовольствие, одежду и обувь, что состав-

ляло до 25% от ее содержания [21]. Заработная плата выдавалась как поденно, так и сдельно. Размер месячного заработка зависел от степени трудоспособности, усердия, воинского звания и доходил от 60 руб. у рядового, 80 руб. – у фельдфебеля и 200-250 руб. – у младших офицеров. Кроме того, последним предоставлялась казенная комната для проживания [22]. Поэтому почти все военнопленные имели опрятную одежду, белье и обувь, хорошее питание и денежные сбережения, оставшиеся от заработка. Кроме того, военнопленные получали денежные переводы из дома. В материалах южноуральских архивов (Челябинск и Златоуст) сохранилось достаточно большое количество квитанций об их получении [23].

Военнопленным также раздавали подарки представители Красного креста: шинели, носки, рубашки, кальсоны и прочие вещи [24]. Только по мере ухудшения содержания в Германии и Австро-Венгрии русских пленных и установления особых знаков на их одежде, аналогичные меры вводятся для немцев, венгров и австрийцев: на левом рукаве масляной краской ставился особый знак [25]. В связи с участвовавшими случаями неповиновения для военнопленных устанавливается более строгое содержание. Их стали охранять не стражники, набранные по вольному найму из числа рабочих, а воинские команды. Это увеличивало расходы на содержание военнопленных за счет их самих, но и повышало работоспособность [26].

Население по-разному относилось к военнопленным. Начальник Уфимского губернского жандармского управления генерал-майор Устинов писал в своем докладе в 1915 г. о благожелательном к ним отношении, что «к военнопленным крестьяне и рабочие относятся с жалостью, причем крестьяне вполне довольны принудительными работами военнопленных (в Уфимской губернии только с их помощью удалось благополучно закончить все сельскохозяйственные работы)» [27], но архивные документы говорят скорее об обратном.

Несмотря на принимаемые меры по усилению мер содержания, военнопленные продолжали свободно и бесконтрольно разгуливать по окрестным лесам, улицам и базарам заводов и г. Златоуста, а некоторые даже умудрялись

приставать к местному населению, «в особенности женщинам и допускать весьма неприличные выходки [28]. Чаще всего «такие прогулки» заканчивались расправой рабочих с пленными. Другое время – другие нравы и меры наказания, чем через тридцать лет. Кроме того ответственные за содержание военнопленных: заведующие куренными операциями, управители заводов, горные начальники, уездные воинские начальники, – постоянно доносили вышестоящим инстанциям о попытках военнопленных «косить» под больных, неподчинении, отказе от выполнения работ и постоянных их побегах. Кроме того, чаще всего ответственные за содержание, не знали, как поступать со смутьянами. Перетрубаии государственной власти 1917-1918 гг., в том числе и выступление чехословацкого корпуса не изменили положение военнопленных и перечень выполняемых ими работ.

Другим аспектом тыловой жизни Южного Урала являются беженцы Первой мировой войны. В настоящее время слово «беженцы» вошли в ежедневный лексикон южноуральцев, благодаря трагическим событиям на юго-востоке Украины. Ежедневно мы видим сюжет в новостных лентах, читаем в газетах и листаем сайты в интернете. Но впервые южноуральцы столкнулись с беженцами в 1915-1916 г., которые оказались на Южном Урале из прифронтовых губерний, а также из Австро-Венгерской Галиции [29]. Часть из них, в основном латыши из Риги, но есть и эстонцы и поляки, работали на Златоустовском заводе и на напилочном заводе в Миассе [30]. По спискам прибывших через Биржу труда, с рижских заводов «Эрбе», «Феликс», а также наибольшее число с чугунолитейного, машиностроительного и котельного завода «П.Г. Розенкранц и К°» можно примерно установить более 700 человек только рабочих. Точное же число определить невозможно, так как у многих напротив фамилии написано «плюс семья» или «с родителями» [31]. Все прибывшие были размещены по квартирам в разные районы Златоуста, с разным числом проживающих [32].

Для студентов, которые приехали учиться в Россию из Китая, об этом будет интересно узнать, что в годы Первой мировой войны на Северном и Среднем Урале и в северной горнозаводской части Южного Урала (Кыштым, Кара-

баш, но встречается и Златоуст) столкнулись с невиданным до того времени явлением: наемными рабочими, прибывшими с Дальнего Востока – китайцы и корейцы. Сейчас они у нас не вызывают удивления, но сто лет назад – это была экзотика, диковинка. На китайских рабочих приходили «смотреть», им помогали одеждой и пищей, так как многие приезжали без зимней одежды и средств существования. Одни из них попали на Урал добровольно, в поисках средств пропитания, завербовавшись через Биржи туда, но были и те, кого отправили как союзническая помощь Японии и Китая России. Их труд, как неквалифицированных рабочих, использовали на самых трудных участках [33].

Окончательный приход к власти большевиков летом 1919 г. способствовал постепенному возвращению военнопленных, беженцев и китайцев домой на Родину, но этот процесс затянулся до 1921-1922 гг., а некоторые из них, остались на Южном Урале, обзавелись семьей и детьми, навсегда связали свою судьбу с Россией, но уже советской [34]. В метрических книгах можно встретить записи о крещении подданных других стран, в том числе из Китая: «Подданный Китайской республики Ху-Шу-Чин – будейскаго вероисповедания принял Св. Крещение с наречением имени "Козьма" – от роду имеет двадцать один год», подпись на китайском [35].

Участник Первой мировой войны, известный уральский краевед, фольклорист, археолог Владимир Павлович Бирюков, благодаря своей неутомимой энергии по собиранию уральского фольклора в 1930-1950-е гг., сохранил для нас богатый пласт материала, посвященного Первой мировой – песни и частушки. В песнях мы не слышим «урапатриотических» мотивов, в них, наоборот, звучит гротесковое отношение к прошедшим событиям: «Вечер вечерет, орудия гремят. Солдатики в окопах от холоду дрожат. Летит снаряд германский, журчит, – как эроплан, но каждый уже знает, что это – чемодан. Летит, недолетает, то делат перелёт, но сердце замирает: "А вдруг меня убьёт...". Ведь жалко жизнь оставить, какая б ни была, хоть бедный, хоть богатый, но жизнь всем дорога. Жалко ведь оставить женатому семью, а холостой жалеет подруженьку свою» [36].

В записанных В.П. Бирюковым частушках юношеских и девичьих звучит как плач по ушедшим солдатам, так и гибель близких, и отношение к войне: «Неохота мне, мальчишке, под Аршавой умирать; дай-ка, милочка, платочка, чтобы слёзы утирать». «Подадим мы телеграмму волостному старшине: за кого мы выйдем замуж – все ребята на войне». «Ой, прощай, Карабаш, широкая улица, на войну мой мил уехал, приезжать не сулится». «Приготовьте гроб те-совый и могилу для меня. Если милого убили, Хороните и меня» [37].

К сожалению, о событиях Первой мировой войны южноуральцам не напоминают ни памятники, ни топонимические названия улиц. И хотя есть улицы, названные в честь воинов, участвовавших в ней, но топонимика получена ими за другие заслуги героев. Особенно известна «улица Братьев Кашириных» – одна из центральных и протяженных в Челябинске.

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война перевернула весь существующий миропорядок тыловых регионов, в т.ч. и Южного Урала, привела к перемещениям громадного числа населения, в том числе военнопленных и беженцев, переводу горнозаводской промышленности на выпуск военной продукции. Не только в годы Великой Отечественной войны, но и 100 лет назад во «Второй Отечественной», благодаря самопожертвованию южноуральского населения: оренбургских казаков, башкир, русских, татар и других народов Южный Урал, как тыловой регион, сыграл свою роль в Первой мировой войне, память о которой мы должны сохранить, и использовать на уроках истории, в т.ч. и на региональных и локальных примерах.

Примечания

1. Жук А.В. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 341-351.
2. Окунцов Ю.П. Снарядное производство заводов Златоустовского горного округа в годы Первой мировой войны // Россия в войнах начала XX века. Доклады Всероссийской научной конференции. 27-28 ноября 2004 г. Екатеринбург, 2005. С. 190-198; Он же. Снарядное производство Златоустовского завода в начале XX в. (1900-1917 гг.): историческая справка // Гороховские чтения. Материалы второй региональной музейной конференции. Челябинск, 2011. С. 317-324.
3. Новиков И.А. Использование труда военнопленных в годы Первой мировой войны на горных заводах Южного Урала // Российское общество и войны XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала русско-японской и 90-летию Первой мировой войн. Адлер, 27-28 мая 2004 г. Краснодар, 2004. С. 498-100; Он же. Использование труда военнопленных на заводах Златоустовского горного

округа в годы Первой мировой войны // Уральские бирюковские чтения. Сборник научных и научно-популярных статей. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регионов. Ч. 2. Челябинск, 2008. С. 23-26.

4. Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в Златоусте и Златоустовском уезде (1915 - 1922 гг.) // Вторые Бушуевские чтения. Сборник материалов. Челябинск, 2004. С. 105-110; Она же. Трудоеmployзование военнопленных на Урале в 1914-1917 гг. // Уральский исторический вестник. 1994. № 15. С. 74-83; Она же. Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 – первая половина 1917 г.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2009. Вып. 34. № 28 (166). С. 167-172.

5. Рязанский И.Н. Промышленность Южного Урала в годы Первой мировой войны: (по материалам Объединенного Государственного Архива Челябинской области) // Троицкий вестник: сборник научных статей. № 1. Челябинск, 2006. С. 137-141; Он же. Челябинск в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 3. № 6 (35). Челябинск, 2004. С. 54-59 и др. его работы.

6. Машкова Н.Н. Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1916 году // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2001. № 5. С. 141-149; Шмакова Н.Н. Южный Урал в годы Первой мировой войны // Россия в отечественных войнах. Четвертые всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. Посвящается 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. Оренбург, 2012. С. 339-341; Она же. Вклад промышленности Южного Урала в снабжение действующей армии военной продукцией в годы Первой мировой войны // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. Оренбург, 2006. С. 336-346 и др. ее работы.

7. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Бранд М.Ю. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2010. § 9. С. 63-73.

8. Окунцов Ю.П. Златоустовский горный округ в годы Первой мировой войны (1914-1917) // Гороховские чтения. Материалы пятой региональной музейной конференции. Челябинск, 2014. С. 135.

9. Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1574. Л. 1-8.

10. Там же. Д. 1557. Л. 136.

11. Там же. Л. 137-137 об.

12. Сергеев С.А. (о. Сергей). Православный приход в истории Южного Урала (на примере г. Златоуста 1917 – 1928 гг.). Курсовая работ студента IV курса ОЗО исторического факультета. Челябинск, 2014. [эл. ресурс] (дата обращения 22.09.2014)

13. АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2363. Л. 273.

14. Из истории Урала. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 302.

15. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-37. Оп. 1. Д. 150. Л. 61; 62.

16. Там же. Ф. И-169. Оп. 1. Д. 437. Л. 705-710 об.

17. Воронянский А.В. История Украины. Харьков, 2003. С. 290.

18. ОГАЧО. Ф. И-169. Оп. 1. Д. 437. Л. 279.

19. АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2933. Л. 261 об.

20. ОГАЧО. Ф. И-169. Оп. 1. Д. 437. Л. 822.

21. АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2894. Л. 4-4 об.

22. Там же. Л. 261 об.

23. Там же. Л. 98; Д. 2737. Л. 42-138 об.

24. Там же. Л. 31.

25. Там же. Д. 2933. Л. 241.

26. Там же. Д. 2894. Л. 169.

27. Урал XX век. Книга для чтения по истории / Под ред. М.Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1997. С. 87.
28. АЗГО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2737. Л. 198; Д. 2894. Л. 163.
29. Из истории Урала. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 302.
30. АЗГО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1418; 1567.
31. Там же. Д. 1567. Л. 9-10; 21-21об; 23-25; 92-101; 111-114 об; 129-131; 132-134.
32. Там же. Д. 1567. Л. 11-114 об.
33. Более подробно: Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. Монография. СПб., 2011; Юдина Л.С. Китайцы – отходники на Урале в годы Первой мировой войны // Россия и Китай в меняющемся мире: альманах. Челябинск, 2005. С. 269-273.
34. ОГАЧО. Ф. Р-895. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.
35. АЗГО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 21. Л. 115 об-116.
36. Бирюков В.П. Урал в живом слове. Свердловск, 1953 [эл. ресурс] / <http://urbibl.ru/Knigi/birukov/8.htm> (дата обращения 23.09.2014).
37. Там же.